

Николай Удальцов

Книга третья

ДОРОГА ВО ВСЕ НЕНАСТЬЯ

Повесть

БРАК

Повесть

МОСКВА 2011

УДК 82
ББК 84

Удальцов Н. А.

«Дорога во все ненастья. Брак.» – М.: 2011, - 248 с.

На обложке картина автора из серии: «Символы нашей души в природе: лучи солнца, радуга, туман, лунный свет.»

СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ

Другие картины автора на сайте
www.udaltsov.net

ISBN 978-5-452-04862-6

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-452-04862-6

© Удальцов Н. А., 2011

*Скорее всего, я не великий писатель.
Великие писатели пишут для того, чтобы рассказать людям о том, что они поняли в жизни.
Я написал эту книгу для того, чтобы самому что-то понять...*

Возможно, кто-то, прочитав эти повести, посчитает их, рванными, скомканными. И, даже, незаконченными.

Но, может быть, они в чем-то еще не начаты?..

Во всяком случае, конца историям, рассказанным в этой книге, как-то не видно...

А, может быть, просто я сделал очень большую глупость...

...Написав умную книгу.

Дорога во все ненастья

Повесть

Эта повесть написана о том времени, когда еще не было специальных программ по борьбе со СПИДом, и само это буквосочетание вызывало обычный человеческий страх.

Теперь, когда мы научились привычно жить бок о бок с этой страшной болезнью, остается сделать вывод о том, что мы... вообще очень быстро ко всему привыкаем.

Впрочем, эта история совсем не о лечении СПИДа. Это история о том, как люди решают свои проблемы ...

...В наступившую, наконец, весну снег как-то полинял и обнаружил свою истинную сущность – грязная вода с закопченного неба на мусорной земле.

Глазами, своей тоской напоминавшими этот снег, мои друзья смотрели на меня, когда слышали неправду о том, что я попытался создать образ положительного героя в нашей литературе.

Я соглашался с ними в том, что одно словосочетание «образ положительного героя» – заслуживает нескольких оборотов пальца у виска.

И клялся, что никакого «образа» я не создавал.

Просто, как всегда, написал о нормальных людях, здраво оценивающих время, в котором они живут.

Впрочем, может, именно это и есть – положительные герои любого времени...

...Однажды меня спросили:

- Как ты думаешь? За совершенные ошибки человек должен расплачиваться всю жизнь?

- Не знаю, - честно признался я. - Знаю только, что иногда судьба не предоставляет человеку даже этой возможности...

Художник Василий Никитин

Мои взаимоотношения с человечеством ограничивают только мои взаимоотношения с самим собой.

Это не проблема, а констатация факта.

Того факта, что эта проблема существует...

...Болтливость – болезнь ситуационная.

Хотя отчет в этом – мы отдаем себе не всегда:

- ...Весна лучше осени! – восклицаю я. И тут же начинаю оправдываться за это сделанное мной довольно спорное предположение:

- ...Хотя бы потому, что весной девушки на улицах кажутся красивее, чем осенью!

И весной отлично пьется вермут с лимоном, а осень – это время портвейна!

Весна – это нежное свадебное танго, а осень – это бесстыжий канкан года! - каждое сказанное мной предложение завершается восклицательным знаком совсем не потому, что я восторжен сверх меры.

И не потому, что на мою тираду взирают очарованные мной поклонники и поклонницы.

Я попросту пьян, и восклицания – лишь малая толика последствий оставляющих меня тормозов.

На всякий случай я завернулся в простыню, разглагольствовать голым мне пока еще стыдно – значит, не все тормоза меня бросили на произвол судьбы.

Среди сотрудников вырезвителя есть две женщины – это их я стесняюсь.

Хотя называть судьбой милиционерок можно или с очень большой натяжкой, или когда само понятие «натяжка», получает какой-то совсем иной смысл...

Все эти мысли несколько путано, но достаточно быстро звездят в моей голове – правда, не слишком ярко, чтобы ослепить или хотя бы оставить след – в то время как два милиционера-сержанта стаскивают меня с высоты моего роста и, ловко заломив мне руки, так, что хрустнули кости, укладывают на диван.

Сержантов я ненавижу бессильной ненавистью побежденного, но диван я ненавижу еще больше.

Сильной ненавистью соучастника, пойманного на месте преступления.

Собственно, ненавижу я не сам диван, плевать мне на все диваны на свете, а тот запах, который он источает прямо в мой нос.

Застарелый запах пропущенного через желудок алкоголя.

Несмотря на то, что водка делает человека сиюминутным, я многое помню.

В вытрезвителе я не в первый раз.

За последний месяц.

И ко мне почти привыкли. Во всяком случае, настолько, чтобы не обращать внимания на мои тирады, то есть, собственно говоря, не обращать внимания на самого меня.

Это наше знакомство имеет и обратную сторону: я хорошо изучил характер работников вытрезвителя и очень точно могу, даже когда пьян – а собственно, только когда я пьян, мы и встречаемся – определить ту грань, которую мне нельзя переходить без риска оказаться клиентом с «погретыми» почками.

Многие этой грани не понимают и вводятся в заблуждение, в общем-то, корректным, особенно поначалу, поведением милиционеров.

- Фамилия? - спрашивает меня дежурный.

- Никитин, - отвечаю я, а он, отлично зная все пункты моей биографии необходимые для протокола задержания, начинает острить:

- А я думал Айвазовский.

Предполагается, что всем должно быть смешно.

- Постоянное место работы?

- Член Союза художников, - говорю я довольно вяло. От моего настроения не осталось и следа.

Даже самого путанного.

- Пьяница ты, а не художник, - это уже не юмор. Это кунсткамеризация фактов, вернее, одна из ее форм.

Доступная стареющему капитану милиции.

- Пьяница тоже может быть художником, и не только художником, но и композитором и даже ученым.

- Что-то я композиторов у нас не вижу, а тебя, художник, чуть не каждую неделю, - постепенно мы оба втягиваемся в дискуссию.